

УДК 94(470.55)''1941/1945'':658(045)

*М.Н. Потемкина, И.О. Колдомасов***ПРОИЗВОДСТВО НЕПРОФИЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
НА ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СОВЕТСКОГО ТЫЛА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹**

Проблема обеспечения работников промышленных предприятий товарами бытового и социального назначения в годы Великой Отечественной войны не фигурировала в качестве ведущей в работах военных историков. В то же время очевидно, что эффективная деятельность трудящихся в экстремальных условиях была невозможна без решения элементарных вопросов повседневности и быта. Челябинская область как тыловой регион является очень показательной: здесь было сконцентрировано большое количество предприятий, выпускающих продукцию для фронта, в том числе – эвакуированных из центральных районов страны. Соответственно, была значительная концентрация рабочей силы на этих предприятиях, а дефицит товаров повседневного спроса существовал на Урале и в довоенный период. В ходе нашего исследования удалось установить, что решение этой проблемы осуществлялось как на уровне руководства СССР и его субъектов, так и непосредственно – дирекцией самих предприятий. Последний вариант представляется нам более действенным, хотя и субъективным: руководитель на месте лучше знал проблемы своих сотрудников и старался изыскать не только внешние, но и внутренние резервы для обеспечения их проживания и питания – изготавливать в цехах мебель, посуду, сельскохозяйственные инструменты, открывать мастерские по пошиву и ремонту одежды и обуви, обеспечивать общежития необходимым инвентарем. Несмотря на сложности и недостаток товаров широкого потребления, мы приходим к выводу, что не только выживание, но и трудоспособность рабочих промышленных предприятий были обеспечены.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, экономическая история СССР, промышленные предприятия, рабочие и служащие, продукция социального назначения.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-604-613

В советской экономической модели промышленное предприятие функционировало не только как производственная сила, выпускающая какой-либо вид продукции для народного хозяйства, но и как социальная система, обеспечивающая жизнедеятельность своих работников. В экстремальных условиях Великой Отечественной войны, когда из-за дефицита ресурсов люди были поставлены на грань выживания, социальная ответственность предприятия за жизнь и жизнеобеспечение членов трудового коллектива проявлялась еще более рельефно.

Проблема производства продукции социального назначения промышленными предприятиями никогда не была приоритетной для научных исследований. В работах историков-экономистов по оборонным предприятиям традиционно анализировалось производство продукции военного назначения, например, в трудах А. А. Антуфьева [1], Вас. В. Запария [8], Н. Н. Мельникова [16].

К авторам, посвятившим свои работы жизнеобеспечению населения тыла, относится Н. П. Палецких [20], которая акцентирует внимание на социальной политике государства и материально-бытовом положении жителей тыловых районов. В трудах Е. Красноженовой [10] представлена характеристика деятельности профсоюзов, партийных и государственных органов по обеспечению населения продуктами, промтоварами, жильем.

В публикациях, посвященных анализу развития легкой, пищевой, кооперативной промышленности в годы Великой Отечественной войны, об участии предприятий оборонной промышленности в производстве товаров повседневного спроса не упоминается [22]. Исследователи, изучающие историю отдельных предприятий, также не уделили вышеназванной теме серьезного внимания [7; 15]. Между тем в условиях всеобщего дефицита и переориентации предприятий легкой и пищевой промышленности на нужды фронта, усилия крупных тыловых предприятий по изготовлению продукции социального назначения стали одним из источников жизнеобеспечения работников предприятий и их семей.

Анализ зарубежной историографии позволил нам определить общетеоретические подходы к изучению проблемы. Характеризуя взаимоотношения работника и предприятия, К. М. Строс выдвинул концепцию о советском предприятии как «фабрике-общине», которая «выполняла обещание со-

¹ Статья написана в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Министерства образования и науки Республики Казахстан № AP09260449.

циализма обеспечить всех граждан (по крайней мере, горожан) системой социальной защиты и минимальным уровнем благосостояния» [30], что позволяет объяснить натурально-хозяйственные тенденции, выражающиеся в создании на промышленном предприятии комплекса вспомогательных производств и структур. Использование дефицита как политического инструмента в советской экономической модели показывает Ж. Сапир [24]. Таким образом, историографию исследования можно считать эпизодичной и содержащей только некоторые аспекты заявленной темы.

Целью нашего исследования следует определить значение выпуска продукции социального назначения на оборонных предприятиях советского тыла. Материалы с места изучения представлены предприятиями Челябинской области.

Источниковая база исследования содержит документы из Государственного архива РФ и Объединенного государственного архива Челябинской области [4; 18]. Интересующая нас тематика отложилась в архивных фондах фрагментарно – в приказах директоров предприятий, делопроизводительной переписке, решениях городских и областных партийных или государственных органов. Также отдельные документы по данному вопросу содержатся в сборниках документах и материалов о жизни Урала в годы Великой Отечественной войны [19; 25; 28]. Определенную ценность представляют материалы периодической печати, в первую очередь, – заводских газет, таких, как «Магнитогорский металл» [11-14], и воспоминания очевидцев событий [3; 7].

Следует отметить, что дефицит товаров повседневного спроса (одежда, обувь, предметы первой необходимости) наблюдался на Урале и в довоенный период. Продукция легкой промышленности не удовлетворяла спрос жителей в необходимых товарах. На душу населения региона в предвоенные годы производили 0,14 м шерстяных тканей, 0,68 м льняных тканей, 0,05 шт. верхнего трикотажа, 0,02 шт. бельевого трикотажа, 0,67 пар кожаной обуви [27, с. 562].

В объяснительной записке к плану развития легкой промышленности Челябинской области в 1939 г. отмечалось, что небольшое количество мелких, с устаревшим и износившимся оборудованием, предприятий, производящих предметы ширпотреба, не удовлетворяют потребности населения [18. Ф. Р-804. Оп. 11. Д. 92. Л. 154–158; 18, с. 387–388]. Накануне войны легкая промышленность Челябинской области включала в себя 22 предприятия, пищевая – 216. После нападения Германии в ходе эвакуации на территорию области были размещены 12 предприятий легкой промышленности и 18 – пищевой промышленности. Это способствовало возникновению новых для Челябинской области отраслей: соляной, сахарной, табачной, плодоовощной, кондитерской, хлопчатобумажной [22, с. 37].

С началом Великой Отечественной войны структура производства в СССР резко изменилась: доминирующее значение приобрело производство продукции военного назначения. Предприятия пищевой и легкой промышленности также начали производить продукцию для обеспечения нужд действующей армии. В связи с этим сократилось производство товаров народного потребления (повседневного спроса). В условиях военного времени совсем прекратился, резко сократился или был перенаправлен на нужды фронта выпуск таких товаров повседневного спроса, как иглы, бритвы, расчески, пуговицы, вата, ножевые и замочные товары, электролампы, посуда (фарфоровая, фаянсовая и другая), ложки, тарелки, стаканы, керосиновые лампы, стекло, в том числе оконное, грампластинки и пр. Дефицит товаров первой необходимости наблюдался в советском тылу повсеместно.

Так, среднемесячный выпуск товаров широкого потребления с июня по октябрь 1941 г. в Челябинской области уменьшился на 3,2 млн руб. В декабре челябинцы вообще ничего не получили от промышленной кооперации [21, с. 54]. Одновременно сворачивались многие гражданские отрасли, например, мебельное и гончарное дело, индивидуальный пошив обуви и одежды, сузилась сфера предоставляемых кооперативами услуг. В Челябинской области ремонтировалось за год полпары обуви в расчете на одного жителя [28, с. 213]. Даже то, что по отчетам артелей числилось ширпотребом, предназначалось, главным образом, вне рыночным потребителям – Наркоматам обороны, внутренних дел, военно-морского флота. Снижению выпуска товаров повседневного спроса способствовали нехватка сырья и массовый отток высококвалифицированных специалистов как на фронт, так и на предприятия оборонной промышленности.

Товары из категории ширпотреба на рынках стоили безумно дорого. В октябре 1941 г. в Миассе старое ведро продавалось за 120 руб., в Шадринске столько же просили за поношенное женское ситцевое платье [21, с. 55], тогда как среднемесячная заработная плата рабочего Магнитогорского металлургического комбината в 1941 г. составляла 451 руб. в мес. [26, с. 196].

Ситуация усугублялась тем, что в условиях плановой экономики распределение товаров носило централизованный характер. При дефиците ресурсов товары повседневного спроса распределялись

путем целевого назначения. Хотя работники оборонных предприятий провозглашались как одна из приоритетных категорий в снабжении продуктами и промтоварами, на практике процент отоваривания поступавших на места промтоварных фондов был низким и варьировался в зависимости от положения на фронтах (самый тяжелый период – 1942 г.), от значимости продукции, выпускаемой конкретным промышленным предприятием, от региона и времени года, от статуса и личных качеств местного партийного руководства, директорского корпуса предприятий.

В архивных фондах сохранились многочисленные служебные письма руководителей предприятий в профильные наркоматы и в Совнарком об отпуске целевым назначением необходимых товаров повседневного спроса для своих работников. Типичным является письмо директора Челябинского кузнечнопрессового завода им. Сталина Г. Лева заместителю председателя СНК СССР А. И. Микояну от 30 июля 1942 г. о необходимости улучшения материального снабжения рабочих завода [26, с. 77–78]. Свою просьбу о выделении заводу ткани (30 тыс. м), костюмов (2000 комплектов), белья постельного (4000 комплектов), белья носильного (4000 комплектов), ботинок (2000 пар), пиджаков (1000 шт.), одеял (2000 шт.) и ваты (4 т) директор мотивировал прибытием на предприятие новых рабочих (1300 чел. выздоравливающих бойцов из РККА, 500 выпускников ремесленных училищ), а также планируемым набором ещё более 2000 чел.

Руководящие органы страны неоднократно принимали решения по вопросам обеспечения населения товарами первой необходимости. Как правило, эти решения не были обеспечены ресурсами, а вся вина за неисполнение перекладывалась на местное руководство областей и республик. Например, в воспоминаниях главного металлурга Кировского завода г. Челябинска Я. Е. Голдштейна можно встретить эпизод, как в сентябре 1944 г. химик-аналитик К. Арёфьева по поручению самого Голдштейна проводила исследования по производству пенициллина и сахарина для работников завода [3, с. 160–161]. Однако практические результаты данного эксперимента, равно как и реакция властей на них, остались неизвестными.

Помимо роста дефицита товаров повседневного спроса вследствие потери или перепрофилирования ряда предприятий легкой и пищевой промышленности, причинами роста социальной нагрузки на предприятия в годы войны стали ухудшение материально-бытовых условий и интенсификация труда в целом. Пополнение рабочей силы на предприятиях происходило за счет прибытия рабочих вместе с эвакуированными заводами, а также контингента трудмобилизованных. Большинство этих работников нуждались в жилье и промтоварах для обустройства на новом месте жительства. В целом, централизованное снабжение продовольствием, товарами широкого потребления, обеспечение жильем, медицинское обслуживание играло большую роль для работников промышленных предприятий в военное время, поскольку из-за увеличения продолжительности трудового дня времени на организацию своего жизнеобеспечения у них практически не оставалось.

Принципиально не возражая против тезиса А. А. Пасса о том, что «бытовые тяготы были вызваны не только чрезвычайными обстоятельствами, но также ошибками и упущениями в социально-бытовой сфере», а «забота чиновника о нуждах рабочего человека в суровое военное время определялась не только и даже не столько приказом вышестоящей инстанции и страхом перед ней (наказание, подчас очень крутое, следовало, как правило, за срыв оборонного задания), сколько совестью, способностью к сопереживанию и наличием организаторского таланта» [21, с. 65], всё же сделаем существенное дополнение.

В 1942 г., когда руководящие органы всех уровней окончательно убедились в затяжном характере войны, также пришло понимание, что для успешного достижения производственных показателей необходимо обеспечивать работоспособность трудовых ресурсов. В связи с этим меняется даже тональность прессы. При анализе публикаций заводских газет, например, «Магнитогорского металла», можно заметить, что «социальная» тематика в 1941 г. и первой половине 1942 г. не фигурирует совсем, потом постепенно появляется, а в номерах за 1943–1944 гг. материалы на тему «материально-бытовых нужд трудящихся» публикуются на регулярной основе.

Нараставшее общее истощение и массовая дистрофия среди населения тыловых районов заставила руководство усилить меры социальной поддержки главного трудового ресурса страны: рабочих оборонных предприятий. Кроме того, для руководства предприятий целевая социальная поддержка отдельных категорий работников – членов фронтовых бригад, работников стабильно перевыполнявших нормы выработки, высококвалифицированных работников – была средством управления производственной дисциплиной и мотивацией труда.

Это заставляло промышленные предприятия, особенно крупные и градообразующие, наряду с другими мерами организовывать производство товаров и услуг гражданского назначения. Следует отметить, что производство продукции непрофильного назначения, обеспечивающей выживание работников предприятия, не было чем-то принципиально новым, оно существовало уже в 1930-е гг. Все крупные предприятия тыла, независимо от профиля производимой продукции, вынуждены были создавать мастерские (часто при отделах рабочего снабжения) и даже специализированные цехи по производству и ремонту товаров первой необходимости.

Инициатива могла исходить как от директорского корпуса предприятия, так и от руководства города или области, обычно – из обкома или горкома партии. На протяжении всего военного периода вопросы материально-бытового положения населения периодически появлялись на повестке заседаний бюро обкомов, горкомов и райкомов партии. В принимаемых решениях часто давались указания не только различным государственным структурам, но и напрямую директорам заводов. Показателен протокол заседания бюро Челябинского ОК ВКП(б) № 371 от 04.12.1944 г. «Обязать Зальцмана выполнить план жилищного строительства 9000 кв. м.; запретить снимать строительных рабочих с жилищного строительства на другие работы; освободить помещения ресторана «Гигант» для диетстоловой; помочь индивидуальным застройщикам строй материалами и обеспечить ввод в эксплуатацию не менее 100 домов в 1945 г.; освоить производство чугунного литья для производства водопроводов и канализации жилстроительства» [18. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 24. Л. 382].

Иногда производство продукции гражданского социального назначения инициировалось снизу, то есть на уровне начальников цехов и подразделений. Значительную роль в решении социальных проблем на предприятии играл субъективный фактор. По воспоминаниям ветеранов Челябинского Кировского завода, в 1942 г. именно по инициативе начальника четвертого механического цеха Хохлова в цехе были открыты парикмахерская, сапожная мастерская (из проволоки нарубили гвозди, наделали деревянных шпилек, вместо кожи использовали отходы производства, резину). Своими силами реконструировали цеховую душевую, оборудовали в ней дезинфекционную камеру. Сделали стиральную машину, для столовой – механическую картофелечистку. Договорились с пригородным колхозом и отремонтировали им два трактора, за что получили сверх карточек молоко для рабочих цеха [9, с. 267].

Способы удовлетворения бытовых нужд работников предприятий использовались разные: организация на заводах цехов по производству ширпотреба, выполнение разовых заказов социального назначения в цеховых мастерских, открытие в цехах социальных объектов (мастерская по ремонту и реставрации одежды и обуви и др.), заключение договоров с местными промартелями на совместное изготовление каких-либо товаров, изготовление рабочими во вне рабочее время предметов ширпотреба на заводском оборудовании (официальные и нелегальные практики).

Далее целесообразно рассмотреть производство отдельных видов социальных товаров, которое приходилось осваивать предприятиям, выпускавшим продукцию военного назначения (броневую сталь, танки, моторы, снаряды и т. п.). В первую очередь, следует сказать о бытовых проблемах рабочих, проживающих в общежитии.

Проблема обеспечения «крыши над головой» была одной из первоочередных ещё в довоенный период. Средняя обеспеченность жилой площадью в 1940 г. составляла в Уральском регионе 4,9 кв. м на человека, в то время как по стране даже в расчете на одного городского жителя приходилось 6,5 кв. м [17, с. 9]. С началом войны усугубляющим жилищную проблему фактором стало прибытие работников совместно с эвакуированными предприятиями, а также трудмобилизованные граждане (стройколонны). Выпускники ремесленных училищ, приходившие работать на завод, также нуждались в жилье. Жилищная проблема решалась несколькими способами: подселением в уже имеющиеся заводские общежития (кухни переоборудовали в комнаты, в комнатах устанавливали второй ярус кроватей), строительством нового жилья (из-за недостатка стройматериалов и свободной рабочей силы строили очень мало), переоборудованием нежилых помещений под жилье, строительством временного жилья (землянки, палатки). Так, из Тулы в г. Златоуст Челябинской области в процессе эвакуации с заводом № 66 прибыли 7800 рабочих и членов их семей. Их разместили следующим образом: по домам завода (12 домов), в двух школах (600–700 чел.), по частным квартирам, в бараках на заводской площадке. В первом полугодии 1942 г. на строительство жилищ за счет завода было ассигновано 3145 тыс. руб., освоено 854 тыс. руб., то есть 27 %. На индивидуальное строительство ассигновано на 1942 г. (вместе с остатком от 1940 г.) 1129 тыс. руб., освоено из них 3 тыс. руб., то есть 0,3 % [28, с. 206–207].

Областное и городское руководство неоднократно принимало решения, обязывающее строительные организации города строить новое жилье, но результаты были неутешительные, большин-

ство таких решений оставались на бумаге. В годы Великой Отечественной войны именно предприятия сосредоточили в своих руках практически все жилищно-коммунальные вопросы, а коммунальные отделы городских советов зависели от коммунальных отделов союзных предприятий буквально во всем: и в строительных материалах, и в рабочей силе.

В общежитиях проживала значительная часть работников предприятий. Дело в том, что в начале войны на фронт были мобилизованы в основном мужчины, живущие в семьях, а численность рабочей силы пополнялась за счет эвакуированных, трудармейцев, значительная часть из них были одиночками. Этот фактор усилил нагрузку на общежития, так как прибывшие большей частью были расселены именно в подведомственных предприятию помещениях. По данным на март 1944 г. Отдел общежитий УКХ ММК имел 96 общежитий, в которых проживало 12834 рабочих-одиночек. Общая площадь общежитий составляла 29485 кв. м, на одного жильца приходилось 2,2 кв. м спальных мест двухъярусных – 13735, одноярусных – 711 [18. Ф. П-234. Оп. 4. Д. 51. Л. 29]. В одной комнате проживало от 35 до 80 чел.

Общежития необходимо было наполнить буквально всем, что необходимо для жизнедеятельности человека – питьевой водой, столовыми, уборными, помойными и мусорными ямами, душевыми, прачечными и сушилками, сапожными и портновскими ремонтными мастерскими, твердым и мягким инвентарем (то есть мебелью, бытовыми принадлежностями, постельным бельём, занавесками, шторами, полотенцами), топливом (дрова), камерами хранения для вещей и многим другим вплоть до книг, настольных игр, часов, музыкальных инструментов, кинопередвижек. Естественно, что все вышеперечисленное нуждалось в поддержании порядка. В общежитиях ММК остро ощущалась нехватка инвентаря: например, в общежитии № 42 на 120 чел. имелось в наличии только 29 табуреток [18. Ф. П-234. Оп. 16. Д. 2. Л. 31–33].

Взросшая в экстремальных условиях военного времени интенсивность труда (увеличение рабочего дня, сокращение отпусков и выходных дней, ставшие обычными сверхурочные работы) не оставляла людям времени и физической возможности для обустройства своего быта. Кроме того, предметы быта было негде и не на что купить. Задачу наполнения общежитий твердым и мягким инвентарем и другими предметами быта приходилось решать руководству предприятий. Анализ приказов директора ММК Г. И. Носова наглядно демонстрирует внимание руководства к бытовым нуждам работников. Так, в приказе № 297 было сформулировано задание цеху УКХ, спецмастерской № 2, цеху ширпотреба и ремонтно-хозяйственному цеху к 1 октября 1944 г. изготовить для подведомственных общежитий недостающий инвентарь: тумбочки, табуретки, столы, кадки, стиральные доски, бачки, чайники, самовары, умывальники пятисосковые, ведра, ковши, стиральные корыта, тазы, утюги, металлические каркасы для табуреток [18. Ф. 234. Оп. 4. Д. 51. Л. 29об].

Отдельной социальной сферой, требующей повышенного постоянного внимания администрации предприятия, была работа заводских столовых. Столовые должны были решить принципиальный вопрос обеспечения работников предприятия горячим питанием. Помимо очередей, бедного рациона и низкого качества блюд, недоклады продуктов в порции постоянной проблемой была нехватка такого инвентаря, как столы и стулья, тарелки и ложки, кружки и даже гири – разновесы. Так, на начало октября 1942 г. в столовой № 6 котельно-ремонтного цеха ММК было в наличии всего 140 тарелок, а ложек не было совсем [11].

Уже в октябре 1941 г. вышло постановление бюро обкома обязать директора Кировского завода И. М. Зальцмана обеспечить столовые необходимым количеством столов и табуреток; до 1 декабря 1941 г. отштамповать и отхромировать 10 тыс. шт. ложек и 3 тыс. шт. глубоких тарелок [18. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 18. Л. 316–317]. Летом 1943 г. другое распоряжение обкома партии И. М. Зальцману гласило: «изготовить в цехе точной механики весы 15 штук и гири-разновесы; организовать производство кружек» [18. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 23. Л. 416–417об].

Одним из способов решения продовольственной проблемы стало самоснабжение населения путем развития огородничества. Курс на повсеместное развитие огородничества был взят весной 1942 г. В это время ситуация с продовольственным обеспечением жителей тыловых районов была близка к кризису. Ход развития огородничества определялся постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О развитии подсобного сельского хозяйства на предприятиях и учреждениях, индивидуального огородничества рабочих и служащих» от 7 апреля 1942 г. [5, с. 723].

Для того, чтобы вырастить урожай, был необходим сельскохозяйственный инвентарь, семенной материал, централизованного решения требовали вопросы вспашки земли, полива огородов, охраны урожая, его вывоза и хранения. Руководство промышленных предприятий организовывало производство ручного сельскохозяйственного инвентаря [13], деталей для ремонта сельскохозяйственной тех-

ники, гвоздей и других необходимых изделий для подсобных хозяйств, часто в обмен на мясо, молочные продукты, овощи [14].

Так, на Магнитогорском металлургическом комбинате по инициативе завкома в цехах изготавливались лопаты, тяпки и другой мелкий инвентарь. Для обработки земли использовались трофейные танки, с которых снимались башня и верхняя часть броневой защиты. Горючим для них служил бензол, который вырабатывался в коксохимическом цехе [2, с. 75].

Большую проблему представляла нехватка транспорта для вывоза урожая с подсобного хозяйства. Часто имевшийся в наличии у подсобных хозяйств транспорт нельзя было эксплуатировать из-за поломок и отсутствия запчастей для ремонта. Эта проблема даже становилась предметом обсуждения в местной печати. В марте 1943 г. в газете появилась заметка о состоянии дел в молочно-овощном совхозе отдела рабочего снабжения ММК. Состояние было явно неудовлетворительным: в мастерской 48 рабочих, а нет ни одной запасной детали для с/х техники, нет инструмента. Автор заметки резюмировал информацию: «Невольно задаешь себе вопрос: неужели на таком огромном комбинате нельзя изготовить недостающие совхозу инструменты?» [12].

Сложная ситуация наблюдалась и в сфере снабжения одеждой и обувью. Всеобщий дефицит приводил к тому, что спецодежда часто становилась единственной и повседневной, всё изнашивалось и требовало ремонта. 3 декабря 1942 г. на Челябинском Кировском заводе был подписан особый приказ об изготовлении начиная с 1 декабря 100 пар валенок и 100 пар лаптей, об организации централизованного ремонта 3000 пар обуви в месяц и дополнительного укрепления заплатками 400 пар обуви в качестве льготы для стахановцев. Начальнику отдела кадров т. Барабанову было поручено направить дополнительно 60 рабочих в пимокатную мастерскую [18. Ф. Р-792. Оп. 5. Д. 33. Л. 21а; 22, с. 240].

Показателен также пример И. М. Зальцмана, бывшего в годы войны директором Кировского завода, эвакуированного из Ленинграда в Челябинск. Ветераны вспоминают, что И. М. Зальцман со своим помощником по быту стоял утром у заводской проходной и изучал, во что одеты и обуты рабочие. Он распорядился организовать мастерскую по производству валенок и обул в них треть работавших на заводе, прежде всего – эвакуированных [9, с. 135].

Следует отметить, что в условиях всеобщего дефицита имели место и девиантные практики удовлетворения спроса на товары повседневного спроса за счет хищений сырья или промышленных отходов на производстве, либо использования промышленного оборудования в личных целях. Так, в 1942 г. 6 рабочих Кировского завода вместе с начальником цеха подкупили двух вахтеров и на протяжении трех месяцев выносили с завода кастолин, канифоль, каустическую соду, варили из этих ингредиентов хозяйственное мыло и продавали его на рынке по завышенным ценам, используя для этого малолетних детей. Полученный таким способом доход исчислялся более чем 100 тыс. руб. [29, с. 222].

Производимая на предприятиях продукция социального назначения (бытового, хозяйственного) была предназначена для использования прежде всего работниками предприятий и их семьями. По возможности предприятия помогали и рабочим подсобных хозяйств, и колхозникам подшефных колхозов, отдельным социальным категориям населения (напр., семьям фронтовиков, эвакуированных и др.), как правило, в рамках разовых пропагандистских кампаний. Так, руководство Магнитогорского металлургического комбината регулярно отпускало материалы и изделия разным организациям: мясокомбинату, обувной и швейной фабрикам, Троицкому жиркомбинату. Через отдел снабжения комбината продавались различным лицам спецодежда, обувь, в том числе детская, посуда и другие товары широкого потребления [4. Ф. Р-8300. Оп. 18. Д. 30. Л. 49].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что исследователи, изучающие состояние легкой, пищевой и кооперативной промышленности в годы Великой Отечественной войны, констатируют рост её показателей (количество предприятий, количество занятых работников, объем выпускаемой продукции), оговаривая при этом, что часть продукции направлялась для обслуживания оборонных заказов. Учитывая проблемы с продукцией социального назначения, следует отдельно разбираться в том, было ли недостаточно выпускаемой продукции, или товары не доходили до рядового советского потребителя.

Возникает вопрос о целесообразности траты ресурсов и времени крупных предприятий, основная продукция которых имела стратегическое значение для экономики страны в условиях войны, на производство товаров повседневного спроса и бытовых услуг. Шло ли это в ущерб основному производству, отвлекало ли это квалифицированные трудовые ресурсы? Очевидно, что изготовление товаров бытового назначения на крупных оборонных заводах экономически не было выгодно и являлось вынужденной мерой в условиях всеобщего дефицита. Но, на наш взгляд, здесь вступают в действие факторы социального и политического порядка.

Обеспечение трудоспособного состояния рабочей силы, поддержание производственной дисциплины, предотвращение протестных настроений среди рабочих – вот те принципиально важные задачи, которые стояли перед руководством любого предприятия. Для их решения применялись не только административные и репрессивно-карательные меры воздействия, но и методы материально-бытового поощрения. Исторически сложившееся ментальное представление заводского пространства как «общины» усилилось в годы войны благодаря ряду причин: рост цен на колхозных рынках при невозможности приобрести товары первой необходимости по государственным ценам; усиление интенсификации труда не оставляло свободного времени для обустройства личного быта. Всё это привело к развитию социальной инфраструктуры промышленных предприятий, одним из звеньев которой стало производство бытовых товаров и услуг для работников завода. Объем производства непрофильных товаров социального назначения был многократно меньше выпуска основной продукции и явно недостаточен для всех работников, а качество товаров было невысоким, но выживание и трудоспособность работников промышленных предприятий были обеспечены. К тому же руководство предприятия получало дополнительный рычаг управления рабочей силой, применяя дифференцированный подход к распределению имеющихся в их распоряжении материальных благ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антуфьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии, 1992. 336с.
2. *Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е.* Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина. М.: Мысль, 1978. 280 с.
3. *Гольдштейн Я.Е.* Откровенно говоря...: Воспоминания, размышления. Челябинск: Рифей, 1995. 412 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8300. Министерство Государственного контроля СССР (1940–1957 гг.).
5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов. В 4 т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. Т. 2. С. 723.
6. *Ерусалимчик Г. И.* Разные судьбы – одна судьба (из истории Челябинских евреев). Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 1999. 448 с.
7. *Журавлев С.В., Мухин М.Ю.* Крепость социализма. Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 258 с.
8. *Запарий Вас. В.* Система ОРСов и их роль в организации материального обеспечения работников танковой промышленности Урала в 1942–1945 гг. // Годы поисков и свершений: Кафедра истории науки и техники УГТУ–УПИ–УрФУ. 1999–2014 гг.: в рамках Пятой ежегод. науч. конф. кафедры Истории науки и техники «История науки и техники в современной системе знаний», 8 февр. 2015 г. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2015. С. 89–92.
9. *Комаров Л. С., Ховив Е.Г., Заржевский Н.И.* Летопись Челябинского тракторного 1929–1945 гг. М.: Профиздат, 1972. 376 с.
10. *Красноженова Е. Е.* Социальная поддержка рабочих промышленных предприятий Нижнего Поволжья в условиях Великой Отечественной Войны (1941–1945 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 357–364.
11. Магнитогорский металл. 1942. 1 окт.
12. Магнитогорский металл. 1943. 18 марта.
13. Магнитогорский металл. 1943. 25 марта.
14. Магнитогорский металл. 1943. 15 апр.
15. *Маркевич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 368 с.
16. *Мельников Н. Н.* Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Яуза, 2019. 736 с.
17. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., Финансы и статистика, 1987. 766 с.
18. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА ЧО). Ф. П-234. Магнитогорский городской комитет КПСС; г. Магнитогорск Челябинской области (1931–1935, 1936–1991); Ф. П-288. Челябинский областной комитет КПСС; г. Челябинск Челябинской области (1934–1962, 1964–1991); Ф. Р-792. Государственное предприятие «Производственное объединение “Челябинский тракторный завод им. В.И. Ленина”» и его правопреемники открытое акционерное общество «Уралтрак», открытое акционерное общество «Челябинский тракторный завод» (1929–2005 гг.); Ф. Р-804. Главное управление экономического развития и торговли Челябинской области; г. Челябинск Челябинской области (1934–2004).

19. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы (Пермская, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. Челябинская область. Т. 1. 1917–1945. Челябинск: Книга, 2005. С. 387–388.
20. Палецких Н. П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск: Челябинский гос. агроинженерный ун-т, 2007. 167 с.
21. Пасс А. А. Война и кооперация (промышленные артели и потребительские общества на Урале в 1941–1945 гг.): Монография. Челябинск: Челябинский гос. агроинженерный ун-т, 2000. 170 с.
22. Рудометова И. В. Легкая и пищевая промышленность Челябинской области периода Второй мировой войны в контексте раннеиндустриальной модернизации // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. № 35 (136). С. 36–42.
23. Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953. М.: РОССПЭН, 2010. 375 с.
24. Сатур Ж. Советская экономика: истоки, развитие, функционирование // Индустриализация: исторический опыт и современность: Межунив. сб. / под ред. Бабинцевой Н.С. и др. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. С. 86–138.
25. Тогда была война... 1941–1945: Сб. док. и мат-лов / под ред. А. П. Финадеева. Челябинск: Книга, 2005. 224 с.
26. Урал – фронту / Агарышев П. Г., Евланова Н. М., Наумова А. Г. и др.; под ред. Митрофановой А. В. М.: Экономика, 1985. 344 с.
27. Хисамутдинова Р. Р., Васильева (Полкунова) С. Ю. Легкая промышленность Урала в 1928–1940 гг.: региональные аспекты раннеиндустриальной модернизации // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 554–565.
28. Челябинская область. 1917–1945 гг.: сб. док. и материалов / Ком. по делам арх. администрации Челяб. обл., Гос. арх. Челяб. обл.; сост. Н. А. Прыкина и др. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1998. 304 с.
29. Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала): монография / Аполовников А. А., Пасс А. А., Потемкина М. Н., Усольцева Н. Л. Челябинск: Изд-во Челябин. гос. ун-та, 2021. 359 с.
30. Straus K. M. Factory and community in Stalin's Russia: The making of an industrial working class. Pittsburgh: University of Pittsburgh Pre, XIV, 1998. 378 p.

Поступила в редакцию 09.12.2022

Потемкина Марина Николаевна, доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, просп. Ленина, 26
ведущий научный сотрудник Лаборатории истории военной экономики
Центр экономической и социальной истории ШАГИ ИОН РАНХиГС при Президенте РФ
119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82
E-mail: mpotemkina@mail.ru

Колдомасов Илья Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, просп. Ленина, 26
E-mail: koldomasov@inbox.ru

M.N. Potemkina, I.O. Koldomasov

PRODUCTION OF NON-CORE SOCIAL PRODUCTS AT THE DEFENSE ENTERPRISES OF THE SOVIET REAR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-3-604-613

The problem of providing industrial workers with household and social goods during the Great Patriotic War did not figure as a leading one in the works of military historians. At the same time, it is obvious that the effective activity of workers in extreme conditions was impossible without solving the elementary issues of everyday life. The Chelyabinsk region as a rear region is very indicative: a large number of enterprises producing products for the war front, including those evacuated from the central regions of the country, were concentrated here. Accordingly, there was a significant concentration of labor at these enterprises, and a shortage of everyday goods existed in the Urals in the pre-war period. In the course of our research, it was possible to establish that the solution to this problem was carried out both at the level of the leadership of the USSR and its subjects, and directly by the directorate of the enterprises themselves. The latter option seems to us more effective, although subjective: the head on the spot knew the problems of his employees better and tried to find not only external, but also internal reserves to ensure their accommodation and food – to manufacture furniture, dishes, agricultural tools in workshops, open workshops for sewing and repairing clothes and shoes, provide dormitories with the necessary inventory. Despite the difficulties and the lack of consumer goods, we come to the conclusion that not only the survival, but also the ability to work of industrial workers were ensured.

The article was written as part of the implementation of a research project under the grant of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan No. AP09260449.

Keywords: The Great Patriotic War, economic history of the USSR, industrial enterprises, workers and employees, social products.

REFERENCES

1. *Antuf'ev A.A.* Ural'skaya promyshlennost' nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Ural industry on the eve and during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg, Ed. of the Yekaterinburg: Institute of History and Archeology, 1992, 336 p. (In Russian).
2. *Galiguzov I. F., Churilin M. E.* Flagman otechestvennoj industrii. Istoriya Magnitogorskogo metallurgicheskogo kombinata imeni V. I. Lenina [Flagship of the domestic industry. History of Magnitogorsk Iron and Steel Works named after V. I. Lenin]. Moscow, "Mysl" Publ., 1978, 280 p. (In Russian).
3. *Gol'dshtejn Ya. E.* Otkrovenno govorya...: Vospominaniya, razmyshleniya [Frankly speaking ...: Memories, reflections]. Chelyabinsk, "Rifej" Publ., 1995, 412 p. (In Russian).
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation (GA RF)]. Fond. R-8300. Ministerstvo Gosudarstvennogo kontrolya SSSR (1940–1957gg.) [Ministry of State Control of the USSR (1940–1957)]. (in Russian, unpublished).
5. Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam: sb. dokumentov [Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues: collection of documents]. In 4 vol. Moscow, Ed. of the State Publishing House of political literature, 1957, vol. 2, pp. 723. (In Russian).
6. *Erusalimchik G. I.* Raznye sud'by – odna sud'ba (iz istorii CHelyabinskikh evreev) [Different destinies - one fate (from the history of the Chelyabinsk Jews)]. Chelyabinsk, "Tatiana Lurie" Publ., 1999, 448 p. (In Russian).
7. *Zhuravlev S. V., Muhin M. Yu.* Krepost' socializma. Povsednevnost' i motivaciya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg. [Fortress of socialism. Everyday life and motivation of work at the Soviet enterprise, 1928–1938]. Moscow, "ROSSPEN" Publ., 2004, 258 p. (In Russian).
8. *Zaparij Vas. V.* Sistema ORSov i ih rol' v organizacii material'nogo obespecheniya rabotnikov tankovoj promyshlennosti Urala v 1942–1945 gg. [The system of ORSov and their role in the organization of material support for workers of the Ural tank industry in 1942–1945]. Gody poiskov i svershenij: Kafedra istorii nauki i tekhniki UGTU–UPI–UrFU. 1999–2014 gg.: v ramkah Pyatoj ezhegodnoj nauchnoj konferencii kafedry Istorii nauki i tekhniki «Istoriya nauki i tekhniki v sovremennoj sisteme znanij», 8 fevralya 2015 [Years of searches and achievements: Department of History of Science and Technology of USTU–UPI–UrFU. 1999–2014: within the framework of the Fifth annual scientific conference of the Department of History of Science and Technology "History of Science and Technology in the modern system of knowledge", Febr., 8, 2015]. Yekaterinburg, UMTS–UPI Press, 2015, pp. 89–92. (In Russian).
9. *Komarov L. S., Hoviv E. G., Zarzhevskij N. I.* Letopis' Chelyabinskogo traktornogo 1929–1945 gg. [Chronicle of the Chelyabinsk tractor plant 1929–1945]. Moscow, "Profizdat" Publ., 1972, 376 p. (In Russian).
10. *Krasnozhenova E. E.* Social'naya podderzhka rabochih promyshlennyh predpriyatij Nizhnego Povolzh'ya v usloviyah Velikoj Otechestvennoj Vojny (1941–1945 gg.) [Social support of workers of industrial enterprises of the Lower Volga region in the conditions of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura [Caspian region: politics, economy, culture], 2015, no. 3 (44), pp. 357–364. (In Russian).
11. Magnitogorskij metall [Magnitogorsk metal], 1942, Oct., 1. (In Russian).
12. Magnitogorskij metal [Magnitogorsk metal], 1943, March, 18. (In Russian).
13. Magnitogorskij metal [Magnitogorsk metal], 1943, March, 25. (In Russian).
14. Magnitogorskij metal [Magnitogorsk metal], 1943, Apr., 15. (In Russian).
15. *Markevich A. M., Sokolov A. K.* «Magnitka bliz Sadovogo kol'ca»: Stimuly k rabote na Moskovskom zavode «Serp i molot», 1883–2001 gg. ["Magnitogorsk near the Garden Ring": Incentives to work at the Moscow plant "Sickle and Hammer", 1883–2001]. Moscow, "ROSSPEN" Publ., 2005, 368 p. (In Russian).
16. *Mel'nikov N. N.* Tankovaya promyshlennost' SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Tank industry of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow, "Yauza" Publ., 2019, 736 p. (In Russian).
17. Narodnoe hozyajstvo SSSR za 70 let: Yubilejnyj statisticheskij ezhegodnik [The national economy of the USSR for 70 years: A statistical yearbook]. Moscow, "Finance and Statistics" Publ., 1987, 766 p. (In Russian).
18. Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoj oblasti (OGA CHO) [The United State Archive of the Chelyabinsk region (USA CHR)]. F. P-234. Magnitogorskiy gorodskoy komitet KPSS; g. Magnitogorsk Chelyabinskoy oblasti (1931–1935, 1936–1991) [Magnitogorsk City Committee of the CPSU; Magnitogorsk, Chelyabinsk Region (1931–1935, 1936–1991)]; F. P-288. Chelyabinskij oblastnoy komitet KPSS; g. Chelyabinsk Chelyabinskoy oblasti (1934–1962, 1964–1991) [Chelyabinsk Regional Committee of the CPSU; Chelyabinsk, Chelyabinsk region (1934–1962, 1964–1991)]; F. R-792. Gosudarstvennoye predpriyatiye «Proizvodstvennoye ob'yedineniye "Chelyabinskij traktornyy zavod im. V.I. Lenina"» i yego pravopreyemniki otkrytoye aktsionernoye obshchestvo «Uraltrak», otkrytoye aktsionernoye obshchestvo «Chelyabinskij traktornyy zavod» (1929–2005 gg.) [State Enterprise "Produced"

- tion Association “Chelyabinsk Tractor Plant named after IN AND. Lenin” and its successors Open Joint Stock Company “Uraltrak”, Open Joint Stock Company “Chelyabinsk Tractor Plant” (1929–2005)]; F. R-804. Glavnoye upravleniye ekonomicheskogo razvitiya i trgovli Chelyabinskoy oblasti; g. Chelyabinsk Chelyabinskoy oblasti (1934–2004) [Main Department of Economic Development and Trade of the Chelyabinsk Region; Chelyabinsk, Chelyabinsk region (1934–2004)]. (in Russian, unpublished).
19. Obshchestvo i vlast'. Rossijskaya provinciya. 1917–1985: Dokumenty i materialy (Permskaya, Sverdlovskaya, Chelyabinskaya oblasti) [Society and power. Russian province. 1917–1985: Documents and materials (Perm, Sverdlovsk, Chelyabinsk regions)]: in 6 volumes. Chelyabinsk region. Vol. 1. 1917–1945. Chelyabinsk, “Kniga” Publ., 2005, pp.387–388. (In Russian).
 20. *Paleckih N. P.* Social'nye resursy i social'naya politika na Urale v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Social resources and social policy in the Urals during the Great Patriotic War]. Chelyabinsk: Chelyabinskij gos. agroinzhenernyj un-t [Chelyabinsk: Chelyabinsk State Agroengineering University], 2007, 167 p. (In Russian).
 21. *Pass A. A.* Vojna i kooperaciya (promyslovye arteli i potrebitel'skie obshchestva na Urale v 1941–1945gg.): Monografiya [War and cooperation (commercial artels and consumer societies in the Urals in 1941–1945): Monograph]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Agroengineering University Press, 2000, 170 p. (In Russian).
 22. *Rudometova I. V.* Legkaya i pishhevaya promyshlennost' Chelyabinskoy oblasti perioda Vtoroj mirovoj vojny v kontekste ranneindustrial'noj modernizacii [Light and food industry of the Chelyabinsk region during the Second World War in the context of early industrial modernization]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2008, no. 35 (136), pp. 36–42. (In Russian).
 23. *Samuel'son L.* Tankograd: sekrety russkogo tyla, 1917–1953 [Tankograd: secrets of the Russian rear, 1917–1953]. Moscow, “ROSSPEN” Publ., 2010, 375 p. (In Russian).
 24. *Sapir Zh.* Sovetskaya ekonomika: istoki, razvitie, funkcionirovanie // Industrializaciya: istoricheskij opyt i sovremennost': Mezhniv. sb. / pod red. Babincevoj N. S. i dr. [Secular chronicle: origins, development, incrimination // Identification: historical experience and modernity: Interuniversity. sat. Ed. Babintseva N. S. et al.]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1998, pp. 86–138. (In Russian).
 25. Togda byla vojna... 1941–1945: Sbornik dokumentov i materialov / pod red. A.P. Finadeeva [Then there was a war... 1941–1945: collection of documents and materials / edited by A.P. Finadeev]. Chelyabinsk, “Kniga” Publ., 2005. 224 p. (In Russian).
 26. Ural – frontu / Agaryshev P.G., Evlanova N.M., Naumova A.G. i dr.; pod red. Mitrofanovoj A.V. [Ural – front / Agaryshev P.G., Evlanova N.M., Naumova A.G., etc.; ed. Mitrofanova A.V.]. Moscow, “Economics” Publ., 1985, 344 p. (In Russian).
 27. *Hisamutdinova R. R., Vasil'eva (Polkunova) S. Yu.* Legkaya promyshlennost' Urala v 1928–1940 gg.: regional'nye aspekty ranneindustrial'noj modernizacii [Light industry of the Urals in 1928–1940: regional aspects of early industrial modernization]. Vestnik arhivista [Bulletin of the archivist], 2020, no. 2, pp. 554–565. (In Russian).
 28. Chelyabinskaya oblast'. 1917–1945 gg.: sb. dok. i materialov / Kom. po delam arh. administracii Chelyab. obl., Gos. arh. Chelyab. obl.; Sost. N.A. Prykina i dr. [Chelyabinsk region. 1917–1945: Sat. doc. and materials / com. on the affairs of the arch. administration of the Chelyabinsk region, State Arch. Chelyabinsk region; Comp. N.A.Prykina et al.]. Chelyabinsk, South-Ural Publ. House, 1998, 304 p. (In Russian).
 29. Ekonomicheskaya prestupnost' v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Yuzhnogo Urala): monografiya [Economic crime in the USSR during the Great Patriotic War (based on the materials of the Southern Urals): monograph] / Apolovnikov A.A., Pass A.A., Potemkina M.N., Usol'ceva N.L. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Press, 2021, 359 p. (In Russian).
 30. *Straus K. M.* Factory and community in Stalin's Russia: The making of an industrial working class. Pittsburgh: University of Pittsburgh Pre, XIV, 1998. 378 p. (In English).

Received 09.12.2022

Potemkina M.N., Doctor of History, Professor, Head of the Department of General History

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Prosp. Lenina, 26, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, Russia, 455000

Leading Researcher, Laboratory of the History of Military Economics, Center for Economic and Social History
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russia, 119571

E-mail: mpotemkina@mail.ru

Koldomasov I.O., Candidate of History, Associate Professor of the Department of General History

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Prosp. Lenina, 26, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, Russia, 455000

E-mail: koldomasov@inbox.ru